

**«Забывтое лицо Блока»: Н. А. Павлович о взглядах поэта
на детскую литературу и его книге «Сказки»**

В статье приводится анализ критического произведения Н. А. Павлович «Блок и детская литература», опубликованного в журнале «Детская литература» в 1940 году. Автор выражает мысль о соответствии творческого пути Н. А. Павлович тенденциям времени: поэтесса-символист и критик взрослой литературы пришла в детскую литературу в период ее формирования, интересный возможностью творчества нового формата, позволявший в условиях идеологического пресса выражать свою точку зрения на происходящие в стране события не прямо, а благодаря контексту произведений.

В статье анализируется, как Н. А. Павлович воспринимает поэтическое («На поле Куликовом», «Сказки»), критическое (статьи «Катилина», «Три вопроса») и духовное («Записные книжки») наследие А. А. Блока в аспекте воспитания подрастающего поколения. Автор приходит к выводу о сочетании идеологической выдержанности и ориентации на самобытные народные идеалы. В статье подчеркивается новаторство обращения к творчеству Блока как необходимой составляющей воспитания советского ребенка.

Ключевые слова: детская литература, советская литература, Н. А. Павлович, А. А. Блок, критика детской литературы, «Сказки» Блока, символизм, модернизм.

Nadezhda Shinkareva

**“The Forgotten Face of Block”: N. A. Pavlovich on the Poet's Views on
Children's Literature and his Book “Tales”**

The article analyzes the critical work of N. A. Pavlovich "Block and children's literature", published in the journal "Children's literature" in 1940 № 11–12. The author expresses the idea of accordance of the creative ways N. A. Pavlovich to the trends of the time: poet-symbolist and critic adult literature came to children's literature in the period of its formation, an interesting opportunity to create a new format that allowed in terms of the ideological press to express their point of view on what is happening in the country not directly, but through the context of the works. The author of the article analyzes how N. A. Pavlovich takes poetic ("On Kulikovo field", "Tales"), critical (the article "Catiline", "Three issues") and spiritual ("the Notebook") the legacy of A. A. Block in aspect of the education of the younger generation and comes to the conclusion that the combination of ideological consistency and focus on distinctive people's ideals. The article emphasizes the innovative appeal to the creativity of the Block as a necessary component of the education of the Soviet child.

Key words: children's literature, Soviet literature, N. A. Pavlovich, A. A. Blok, criticism of children's literature, Blok's "fairy Tales", symbolism, modernism.

Феномен детской литературы давно волнует умы выдающихся людей эпохи: филологов, педагогов, психологов, политиков. «Детская литература перестает быть явлением периферийным, нарастает внимание к ее проблемам и со стороны профессиональной среды, и со стороны родительской общности...» [3, с. 455]. XX век – период расцвета русской детской литературы, которая окончательно отделилась от литературы взрослой, приобретя при этом многоаспектность и многослойность.

В 1920-е годы возникло советское государство, которое воспринимало ребенка как фундамент своего будущего благополучия и поэтому старалось идеологически правильно воспитать его, используя литературу для формирования личности. Влияние государства «сказалось на тематике, проблематике произведений, выборе героев» [8, с. 16]. Детская литература, «освободившись от монархической цензуры ... попала под контроль и управление Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения) и других советских партийных органов» [1, с. 273]. Главными темами были «революция, гражданская война ..., труд» [8, с. 12].

Другой тенденцией этого периода был приход в детскую литературу авторов произведений для взрослых. Писатели и поэты искали возможность реализации своих талантов в условиях жесткой цензуры, потому что подтекст произведений для маленьких читателей позволял в той или иной мере выражать оценку происходящего в стране. «Возникла идеологическая двуплановость произведения: план, предназначенный детям, играет роль завесы для настоящего смысла, скрытого в плане для догадливого читателя» [1, с. 277]. «Русская литература для детей, подростков и юношества 1920–50-х гг. в силу условий формирования оказывается двухадресной. Непосредственным адресатом оказывается ребенок определённого возраста. На взрослого же читателя (родителя, педагога) направлен идеологический подтекст произведений и отдельные педагогические наставления [8, с. 12].

Среди таких «переквалифицировавшихся» поэтов и критиков была Надежда Александровна Павлович. В ранней молодости она познакомилась с выдающимися московскими символистами – В. Я Брюсовым, А. Белым, Вяч. Ивановым. Некоторое время Павлович работала секретарём Надежды Константиновны Крупской и впоследствии сохранила дружеские отношения с женой Ленина. По поручению правления Союза поэтов в 1920 году Надежда Александровна отправилась в Петербург, чтобы подготовить открытие местного отделения этой организации. На некоторое время молодая поэтесса

сблизилась с А. А. Блоком, который оставил о ней записи в дневнике. Выдающийся символист рассказывал Павлович о своей жизни, помогал в публикации стихотворений. После смерти Блока Надежда Александровна пережила духовный кризис и нашла утешение в Оптиной пустыни, став духовной дочерью и послушницей старца Нектария. В 1925–1932 гг. поэтесса опубликовала серию книг для детей, в 1930–60-е гг. выступала как литературный критик, а также занималась переводами стихотворений поэтов советских республик.

Взгляды Н. А. Павлович на воспитание выражают её мировоззрение – православного человека, вдохновлённого идеей гармоничного развития личности. Конечно, время наложило отпечаток на отношение поэтессы к литературе и к жизни, некоторые высказывания можно воспринимать как дань господствующей идеологии конца 30-х годов. В наши дни не все идеи советского воспитания можно безоговорочно принимать, но изучать положительный опыт необходимо.

В журнале «Детская литература» в № 11–12 в 1940 году вышла статья Н. А. Павлович «Блок и детская литература». Публикация была новаторской, ибо, как отмечала Надежда Александровна, «тема «Блок и дети» еще не поднята нашей критикой; лицо Блока – детского писателя – забыто» [9, с. 74]. «"Блок и детская литература" Н. А. Павлович представляет собой попытку вывести из тени забвения "лицо Блока – детского писателя" и проанализировать две детские книги поэта, изданные в 1913 году, – "Круглый год" и "Сказки. Стихи для детей"» [5, с. 78]. «Статья не свободна от идеологических натяжек, и в круг рассмотрения вошли далеко не все стихотворения (автор статьи отдает предпочтение наиболее "реалистическим"). Отмечается, что некоторые стихотворения детских сборников расходятся с каноническими текстами, напечатанными во "взрослых" изданиях. Н. А. Павлович объясняет это необходимостью упростить тексты, слишком сложные для читателей ("Круглый год" был адресован детям младшего возраста, а "Сказки" – среднего)» [5, с. 78].

Неразработанность вопроса позволяет критику коротко упомянуть о разных аспектах творчества Блока, в той или иной мере имеющих отношение к детской литературе: публицистике, поэзии, сборниках для детей, критике, а также о дневниковых записях, кроме того, Павлович дает рекомендации по использованию лирического наследия Блока в школьной программе. В этой статье мы остановимся на анализе Н. А. Павлович публицистических произведений А. А. Блока, упомянутых в начале статьи 1940 года, и сборника известного поэта «Сказки. Стихи для детей».

Размышления Блока о воспитании даются в контексте эпохи конца 1930-х – начала 1940-х годов. В номере 1–2 журнала «Детская литература» за 1940 год опубликован доклад заведующей отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ О. П. Мишаковой на X пленуме ЦК ВЛКСМ 21 декабря 1939 года «О плане издания детской литературы в 1940 году» [4, с. 4]. В нем отмечается необходимость противопоставления страшного мира дореволюционного прошлого и социалистических идеалов: «Для воспитания истинного советского патриотизма детям необходимо показать и "свинцовую мерзость" прошлого» [4, с. 5]. Павлович отмечает в дореволюционном творчестве Блока отторжение уродливой действительности: «Кругом был “страшный мир”, как называл Блок растленный буржуазный мир. От него нужно было спасти детей; искусство должно было противостоять буржуазному воспитанию, в результате которого большинство “тупеет и звереет, меньшинство хиреет, опустошается, сходит с ума” (статья «Катилина»)). Призывая осваивать «литературное наследство», О. П. Мишакова отмечает: «Наши дети не видели ни помещика, ни капиталиста. Они плохо представляют себе тот гнет, который давил их отцов в царской России. Здесь им должно помочь наше классическое наследство. Классики, говорил Горький, умели “изображать, обличать грязный, циничный и отвратительный порядок жизни, основанный на беспощадном угнетении людей хищниками и паразитами”» [4, с. 6]. Надежда Александровна, сгущая краски в изображении картин прежнего мира и подчеркивая необходимость разрушения его, цитирует Блока: «Даже тот, кто видел и понимал это (растление буржуазного воспитания. – *Н. Ш.*), “не умел предупредить страшной болезни, которая есть лучший показатель дряхлости цивилизации: болезни вырождения”» [9, с. 74].

Отношение Блока к проблеме назначения искусства также дается с ориентацией на запросы эпохи. Блок в статье «Три вопроса» подчеркивает, что настоящий творец должен чувствовать жизнь народа, следовать его ритму даже в опасностях, только тогда творчество будет отображать жизнь: «В сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом, которое произвело его, художник находит силу ритмически идти единственно необходимым путем. Это – самый опасный, самый узкий, но и самый прямой путь. Только этим путем идет истинный художник. На нем испытывается его подлинность, так же, как опытность капитана испытывается в самых опасных проливах» [2]. Павлович находит в словах Блока разрешение актуальной проблемы соотношения в искусстве выразительного и назидательного, особенно волновавшей представителей “новой” детской литературы 30-х годов: «Еще в 1908 году Блок пишет в статье "Три вопроса": “Поставлен он (вопрос

о пользе искусства) не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются постепенно художники всех лагерей. К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о должном и недолжном в искусстве... Новейшие исследователи говорят нам, что польза и красота совпадали в народном творчестве”» [9, с. 74]. Надежда Александровна приходит к выводу о взгляде поэта на роль искусства в обществе: «Отсюда и развивались думы Блока о воспитательном значении искусства» [9, с. 75].

Поэт, по мнению Павлович, ставит перед искусством цель – «борьбу с вырождением». Подтверждение этой мысли Надежда Александровна находит в «Записных книжках Блока», акцентируя внимание на борьбе с растлением: «Надо спасти мир, надо спасти детей от растления, ибо, “если мы выправимся после потопа, нам предстоит перенестись на крыльях в эпоху в е л и к о г о в о з р о ж д е н и я, происходящего под знаком мужественности и воли” («Записные книжки Ал. Блока»)» [9, с. 74].

В том же докладе О. П. Мишаковой на X пленуме ЦК ВЛКСМ 21 декабря 1939 г. звучит призыв отражать в детской литературе «героическую борьбу народа за свою национальную независимость, за свое освобождение от эксплуататоров» [4, с. 6]. Павлович делает вывод о необходимости, по мнению Блока, воспитания в детях мужественности и воли: «Значит, в детях мы должны воспитывать мужественность и волю, готовить их к борьбе» [9, с. 74]. В подтверждение своих слов Надежда Александровна прибегает к цитированию: «В своих "Записных книжках" Блок писал: “Нельзя забывать о том, что век наш "железный" и что всякая сантиментальность по отношению к детям в наше время есть великий грех, потому что может развить в них бездеятельность, апатичность, неприспособленность к жизни, следовательно, сделать из них несчастных, безвольных людей”. В свете этих высказываний по-новому раскрываются перед нами детские книжки Блока» [9, с. 74].

Таким образом, Н. А. Павлович показывает актуальность классического наследия Блока для воспитания детей в сложившейся на рубеже 1930–40 гг. идеологической обстановке.

Национальная самобытность с древних времен выражалась, прежде всего, в фольклоре. Мода на народное искусство возникла еще в начале XX века под влиянием модернистов: «Писатели, художники, музыканты и театральные деятели воспринимают историю России через призму мифов и сказок» [1, с. 238]. «Искания модернистов значили очень многое для расцвета детской литературы в 20–30-х годах XX века» [1, с. 239] Павлович отмечает, что обращение к народной истории и культуре учит детей борьбе: «Научить, как бороться, может только народ, с его мудростью, героизмом, проявленным в

истории, с его неподкупной совестью, противостоящей всякому насилию и неправде» [9, с. 74].

О. П. Мишакова в докладе подчеркивает: «Мало создано исторических книг. Дети пока располагают весьма скудным фондом исторической литературы и весьма ограниченным по тематике» [4, с. 6]. Павлович указывает на интерес Блока к истории: «Сам Блок обращается к родине и ее истории. Он пишет “На поле Куликовом” и стихи о России» [9, с. 74]. «Чтобы разгадать намерения Блока» [10, с. 75], Павлович цитирует «предложенный им “Общий план исторических картин”»: «Эти картины должны подействовать на воображение и волю зрителя, незаметно сделать близкими и родными для него его предков...» [9, с. 75]. Отметив произведение Блока, посвященное защите Родины и победе над татарскими завоевателями, Надежда Александровна переходит к анализу произведений поэта для детей.

Блок подготовил к изданию всего две детские книги – «Сказки» (для среднего возраста) и «Круглый год» (для младшего), которые вышли в конце 1912 года в типографии И. Сытина, поэтому часто их датируют 1913 годом. Стихи, собранные в них, можно разделить на детские, написанные специально для детей, «взрослые», некоторым образом переработанные для этой публикации, а также «взрослые», напечатанные без каких-либо изменений и дополнений [10, с. 74].

О вопросе воспитания Блок задумался «в связи с завязавшимся спором о жестокости в народной сказке» [1, с. 243]. Поэт «выступил в защиту подлинной народности, против фальсификаторов, которые отфильтровывали из народной сказки все, что лишает ее спокойной благостности. По мнению поэта, они наносили большой вред и сказке, и детям. Блок подчеркивал глубинные корни жестокости в сказках, порожденных не индивидуалистическим, а всенародным творчеством» [1, с. 243]. Блок считал, что необходимо открывать детям глаза на народную действительность, готовить их к жизни вместе с народом, потому что им «предстоит войти во все более тесное общение с народом, столкнуться с так называемым невежеством, темнотой, цинизмом, жестокостью и т.п.» [1, с. 242].

«“Сказки” – это попытка поэта философски подойти к читателю-ребенку, поднять важные темы, поставить его перед глубокими проблемами человеческой жизни» [10, с. 74]. Первое стихотворение сборника «Гамаюн, птица вещая» (1897 год) из цикла «Ante lucem» первого тома трехтомного «Собрания стихотворений» навеяно сюжетом картины В. М. Васнецова. В стихотворении сочетаются фантастические легендарные образы и «идея исторического развития России», представленного «как постоянное преодоле-

ние некоей дисгармонии (пророчества по преимуществу страшные), позиция поэта – бесстрашное следование “вещей правде”, которую оглашает фантастическая птица» [6, с. 4]. Помимо сказочного начала в стихотворении «присутствуют мотивы смерти (в виде упоминания «казней ... кровавых») и героического противостояния пугающей стихии» [6, с. 4]. «Вещая правда» озвучена устами девы-птицы, «обуреваемой любовью и ужасом одновременно» [6, с. 4]. «Цветовая образность стихотворения подчеркивает “кровоавость” событий, содержащихся в пророчестве: закатный “пурпур” “бесконечных вод” перекликается с дважды упомянутой “кровью”. Таким образом, первое из стихотворений книги задает как основную тему мужественного противостояния историческим бедам, уже постигшим Россию и ожидающим ее в будущем (что полностью соответствует представлениям Блока о ходе истории)» [6, с. 4]. «Вероятно, поэт считал, что стихи трагического накала, воскрешающие Древнюю Русь в современной национальной памяти, особенно нужны детям в начале «тревожных и мятежных дней» [1, с. 246].

Павлович акцентирует внимание на олицетворении в образе Гамаюна народной совести: «Перед детским сознанием Блок сразу ставит большой художественный образ – вещую птицу, олицетворяющую народную совесть и созданную самим народом, то есть он сразу приобщает ребёнка к подлинному искусству» [9, с. 75]. В конце 1930-х – начале 1940-х годов, в период репрессий, она ободряет читателей: «Блок... говорит ребёнку – история твоей родины знала татарское иго, силу злодеев, казни, гибель правых, но не бойся, потому что народ вещим сердцем знает правду и об этой правде твердят его запекшиеся кровью уста» [9, с. 75]. Намерения Блока при составлении цикла «Сказки» Павлович угадывает в его «Общем плане исторических картин»: «...Надо показать человека в целом, не только с его взлётами, но и с падениями его, чтобы картины человеческой жизни явились с возможной объективностью» [9, с. 75].

Далее Н. А. Павлович коротко касается содержания образа второго стихотворения сборника: «За этим стихотворением в книге идёт предание “Чёрная дева”, где развивается любимая Блоком тема девы-спасительницы» [9, с. 75]. В стихотворении переплетаются христианские, языческие, мистериальные соловьевские мотивы, прослеживается реминисценция истории знаменитой Чёрной Девы Монсерратской, образа Богоматери, найденного детьми в пещере испанской Каталонии. Во времена воинствующего атеизма надо было иметь смелость напомнить об этом образе на страницах детского журнала.

Следующее стихотворение книги «Сын и мать» раскрывает тему сражения. «С одной стороны, это священная битва, родственная средневековым крестовым походам», с другой – «солярно-мистическая образность» младосимволистов»; «одновременно для Блока актуально представление поэта как рыцаря, побеждающего хаос и мрак враждебных стихий» [6, с. 5]. Образ матери также многозначный – это и мать героя, и «мать-земля», «на некоторое время мать даже занимает место лирического субъекта («Вот он, *сын мой*, в светлом облаке»), что особенно заметно на фоне общего эпического, по сути, повествования» [6, с. 5]. Мотив смертельной опасности и прямое упоминание смерти присутствует и здесь. Его содержит финальное двустишие: «Сын не забыл родную мать, / Сын воротился умирать».

Павлович отмечает, что стихотворение «Сын и мать» для книги «Сказки» дано «в интересном варианте, отличном от канонического» [9, с. 75]. Надежда Александровна рассказывает об авторской правке стихотворения: «Здесь опущены две строфы, относящиеся к матери: В сердце матери оставленной/ Золотая радость есть и т. д.» [9, с. 75]. Критик объясняет намерения поэта, изменившего текст для детей: «Ибо не в этом (не в рассказе о матери. – *Н. Ш.*) раскрывающийся для ребенка смысл; в каноническом тексте это стихотворение, посвященное матери поэта, говорит именно о трагической радости – страдании матери героя. Здесь же это рассказ о самом герое, даже в смерти побеждающем. Поэтому в варианте для детей прибавлены две торжествующие строки, отсутствующие в каноническом тексте: “Здравствуй, сила, побежденная/ Острием моей стрелы!”» [9, с. 75]. Павлович подчеркивает, то основным мотивом стихотворения является победа над злом: «Пусть “сын воротился умирать” – злая сила им побеждена. Таким образом, стихотворение делается тематически монолитным и более понятным для ребенка» [9, с. 75].

В следующем стихотворении «Сказка о петухе и старушке» доминирующим оказывается стихийное начало: «это стихия огня, пожара, в образе которого содержится намек на революцию» [6, с. 5]. Интересен женский образ в этом стихотворении: «неуклюжая, подавленная страхом старушонка», которая вскоре превращается в съезженный и «незнакомый» «маленький труп» в кучке золы... «С женским образом связано и прямое упоминание смерти в стихотворении. Так героическое противостояние стихии/опасности сменяется подавлением героя стихией, торжеством стихии» [6, с. 6].

Павлович кратко объясняет смысл основного образа стихотворения – пожара, не упоминает о смерти героини, обнадеживающе звучат слова о том, что огонь продолжает гореть, образ пламени получает более широкое толкование: «Петуха упустила старушка,/ Золотого, как день, петуха», – написан-

ная в 1906 году и связанная с воспоминанием о революции 1905 года. Пусть это печальная сказка о конце пожара, – поэт утверждает, что огонь не потух» [9, с. 75].

Критик упоминает о том, что остальные стихи в этой книжке – это также и также «взрослые» стихи Блока, но местами сокращенные или дополненные для детей. Это замечание неуместно, ведь далее в цикле детских стихотворений Блока стихотворение «Колыбельная песня», написанное специально для детей.

В стихотворении «Старушка и чертенята» главная героиня тоже старушка. «Здесь можно наблюдать примирение природной стихии ... и христианской “святости” старушки» [6, с. 6]. В данном случае герои разведены по “параллельным мирам”, каждый из которых обладает своей гармонией: “Ты прости нас, старушка ты Божия, / Не бери нас в Святые Места! / Мы и здесь лобызаем подножия / Своего, полевого Христа”. «В контексте книги “Сказки. Стихи для детей”, видимо, значимо примирение со стихией, которого не было в предыдущих стихотворениях, происходит поэтическая «реабилитация» героини-старушки» [6, с. 6]. Павлович, объясняя правку этого стихотворения Блоком, упоминает о Христе, образ которого в символическом толковании Блока не ясен детям: в «Старушке и чертенятах» отпали две последние строфы с ненужной и непонятной детям мистикой Христа. Далее критик упоминает о мотивах поэта при редактировании текста: «В каноническом тексте была романтическая ирония, непонятная детям. Они приняли бы это все всерьез, поэтому Блок откинул конец стихотворения» [9, с. 75].

Павлович не упоминает о следующих стихотворениях книги «У моря» и «В голубой далекой спальне» и останавливается на стихотворении «Сусальный ангел». Современные исследователи видят в стихотворении продолжение темы взаимодействия стихии и человека. Стихотворение «Сусальный ангел» изображает уже не смерть, а только ее подобие – распад фигурки сусального ангела под действием тепла. Присутствие в стихотворении образов огня и старушки дает любопытную контекстуальную параллель к стихотворению «Сказка о петухе и старушке», но здесь няня уже не конфликтует с огненной стихией, и результатом ее неуклюжести становится только «гибель» сусального ангела», чья «нечеловеческая, искусственная природа подчеркнута» [6, с. 8].

Павлович отмечает, что «Сусальный ангел» печатается по первоначальному варианту 1909–1910 годов без последних строф, написанных позже: «Ломайтесь, тайте и умрите, / Созданья хрупкие мечты, / Под ярким пламе-

нем событий, / Под гул житейской суеты... и т. д.» [9, с. 5]. Павлович подчеркивает реалистичность образа ангела, что тоже вызывает множественные ассоциации, несмотря на упоминание природы ангела – это елочная игрушка: «Блок дает здесь детям реалистический, а не символический образ сусального елочного ангела, тающего от огня» [9, с. 75].

Стихотворение «Три светлых царя» Павлович также не упоминает. Следующее стихотворение книги «Колыбельная песня» развивает тему сна, «это сказка о брате-солнце и сестре-луне, сменяющих друг друга на небе; если солнце будит детей, то луна укладывает их спать и поет им колыбельную песню» [6, с. 8]. Эта колыбельная имеет фольклорный источник – народные песни. Окружающий мир здесь «предстает как гармоничный, дружественный ребенку... Тревожные “сказки” начала книги сменяются “тихой сказкой”, которая не волнует, но усыпляет, воспроизводя природный цикл смены дня и ночи» [6, с. 9].

Павлович отмечает, что стихотворение это специально написано для детей, в отличие от других произведений, собранных в книге, и имеет связь с классической авторской колыбельной. «На всю эту книжку падает лишь одно детское стихотворение – “Колыбельная песня”, ритмически и тематически связанное с известной “Колыбельной песней” Майкова» [9, с. 76].

Последнее стихотворение книги, «Сны», «в новом контексте воспроизводит почти все заявленные в книге мотивы»: всадника, сна-смерти битвы за освобождение царевны, образ которой «продолжает ряд достаточно разнообразных женских образов книги, наверное, в наибольшей мере приближаясь к важным для Блока символам Прекрасной Дамы и, в то же время, Родины», няни. «Представители разных поколений (няня и ребенок) становятся союзниками, соучастниками в путешествии в мир сказки».... Сказочная борьба получает счастливое завершение, а заявленные в начале книги смертельные опасности преодолены, и образы смерти сменяются образами мирного сна [6, с. 9]. Павлович отмечает только работу Блока над колыбельным мотивом: «В стихотворении «Сны» добавлена строфа, отсутствующая в каноническом тексте: «Тихо, сладостно, знакомо / Все, что я люблю, / Сладко мне внимать сквозь дрему... / Дремлешь?.. Внемлю... Сплю...», – этой строфой усилен элемент колыбельной» [9, с. 75].

Павлович подчеркивает, что в период появления книги для детей, в 1912–1913 годах, детская литература «была в тупике». Надо было что-то противопоставить продукции Чарской и бесчисленных безвестных поэтесс «Задуманного слова» или «Путеводного огонька». О ситуации снижения уровня художественной литературы в это время пишут современные исследователи.

«Произведения «К. Лукашевич, Л. Чарской, В. Желиховской... во многом опускали детскую литературу до уровня массовой» [7, с. 7].

Павлович, заканчивая анализ книги «Сказки» Блока, отмечает его философский подход к детям, откровенную беседу с ними в стихах, серьезное отношение к маленьким читателям: «“Сказки” говорят о том, что Блок считал свои “взрослые” стихи доступными для детей. Он ничего не снижал в них, не менял существенно, он только иногда не договаривал или наоборот, уточнял, чтобы помочь детскому восприятию» [9, с. 76].

В том же номере журнала «Детская литература» вышла в свет статья Р. Корсакова «Стихи А. Блока для детей», в которой автор объяснял изменения первоначальных текстов Блока редакторскими и издательскими правками, о которых свидетельствует переписка Блока с издателями И. Д. Сытиным и В. А. Тернавцевым. В статье также «приводится и первоначальный список стихотворений, предназначенных Блоком для детских книг, который был шире, чем окончательный вариант, и оказался сокращенным не по инициативе писателя» [5, с. 78].

Современные исследователи отмечают важность темы детской литературы, которую А. Блок связывал будущим. Несмотря на жанровую разнородность входящих в книгу стихотворений, в «Сказках...» Блока получили последовательное развитие значимые для него идеи. В первую очередь это идея смерти, которую несет в себе «страшный» мир и его стихии. В книге идея смерти разрешается позитивно: место смерти занимает сон, а маленькие герои демонстрируют смелость перед лицом мировых стихий и связанных с ними опасностей. Как объединяющее начало выступает соответствующая заглавию тесная связь большинства стихотворений со сказочной культурой: как фольклорной, так и литературной. «Необычное для Блока позитивное разрешение в контексте одной книги практически всех заявленных в ней мотивов подтверждает значимость этой книги в контексте творчества А. Блока (как непосредственное обращение к детям – «людям будущего»), способной дополнить и расширить представления о его художественном мире» [6, с. 12].

В статье Н. А. Павлович отражена тенденция времени – необходимость формирования советской литературы для детей. Создатели новой литературы попытались соединить практически несоединимое – утопию и романтизм эпохи со строгой дидактикой. «С одной стороны, перед новой литературой вставали перспективные задачи – формирование человека будущего, завтрашнего строителя и преобразователя мира, культурного героя. С другой стороны, была конкретная практическая цель – воспитание нового человека в

достаточно жёстких идеологических рамках, под мощным партийно-государственным прессом» [8, с. 14]. Идея воспитания человека будущего, несомненно, увлекает Н. А. Павлович. Обращение к мотивам народной правды, борьбе за духовные ценности, христианские образы – все эти проблемы были предметом дискуссий в Серебряном веке русской поэзии, и на новом этапе развития общества автор статьи возвращается к их актуальности. С другой стороны, в статье сильна идеологическая составляющая, представленная реминисценциями программного выступления секретаря ЦК ВЛКСМ на X пленуме организации. Заметен и подтекст произведения Н. А. Павлович: во время репрессий она вспоминает тяготы преодоления народом татарского ига и классового устройства общества до революции 1917 года. Новаторством было обращение к наследию А. А. Блока как источнику идей для воспитания советских детей. В контексте эпохи это было достаточно смело – упоминание о христианских мотивах в творчестве поэта и о мужестве защитников Отечества в борьбе с противниками народной правды (произведения Блока «На поле Куликовом» и «Сказки»), но в целом статья поэтессы выдержана в правильном идеологическом направлении. Для современных читателей работа Н. А. Павлович интересна в контексте истории детской литературы и творчества самой поэтессы, автора книг для детей, лично знакомой с А. А. Блоком, много времени посвятившей изучению творческого наследия поэта и критическому анализу детской литературы.

Список литературы

1. Арзамасцева И. Н. Детская литература: учебник для студентов учреждений высшего проф. образования / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. 9-е изд., стер. М.: Академия, 2013. 576 с.
2. Блок А. А. Три вопроса // Золотое руно. 1908. № 2. Электронный ресурс. URL: http://dugward.ru/library/blok/blok_tri_voprosa.html (дата обращения: 01.03.2020).
3. Бобина Т. О. Критика и экспертирование детско-подростковой литературы как инструмент поддержки и развития чтения // Чтение XXI век: коллект. моногр. / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. 472 с.
4. Вопросы детской литературы на X пленуме ЦК ВЛКСМ // Детская литература. 1940. № 1–2. С. 4–7.
5. Жибуль В. Ю. Детская поэзия Серебряного века. Модернизм. Минск: И. Логвинов, 2004. 130 с.
6. Жибуль В. Ю. Мотивно-образная структура книги А. Блока «Сказки. Стихи для детей». Электронный ресурс. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/109993> (дата обращения: 01.03.2020).
7. Октябрьская О. С. Пути развития русской детской литературы XX века (1920–2000-е гг.): учеб. пособие. М.: Макс Прогресс, 2012. 360 с.

8. Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов: моногр. М.: Макс Пресс, 2016. 248 с.
9. Павлович Н. А. Блок и детская литература // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 74–78.
10. Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука. 1998. 512 с.

References

1. Arzamasceva I. N. *Detskaya literatura: uchebnik dlya studentov uchrezhdenij vysshego prof. obrazovaniya* / I. N. Arzamasceva, S. A. Nikolaeva [Children's literature: textbook for students of higher education institutions / I. N. Arzamasceva, S. A. Nikolaeva. 9th edition, stereotyp]. 9-e izd., ster. Moscow: Akademiya Publ., 2013. 576 p.
2. Blok A. A. *Tri voprosa* [Three questions] *Zolotoe runo* [Zolotoe runo]. 1908. № 2. Elektronnyj resurs. URL: http://dugward.ru/library/blok/blok_tri_voprosa.html
3. Bobina T. O. *Kritika i ekspertirovanie detsko-podrostkovej literatury kak instrument podderzhki i razvitiya chteniya* [Criticism and examination of children's and adolescent literature as a tool to support and develop reading] *CHtenie XXI vek: kollektivnaya monografiya. Nauch.red.-sost. V. YA. Askarova* [Reading XXI century: a collective monograph. Scientific editor and compiler V. J. Askarov]. Moscow: Mezhhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva Publ., 2015. 472 p.
4. *Voprosy detskoj literatury na X plenumе CK VLKSM* [Questions of children's literature at the X Plenum of the Komsomol] *Detskaya literatura* [Children's literature]. 1940. № 1–2, pp. 4–7.
5. ZHibul' V. YU. *Detskaya poeziya Serebryanogo veka. Modernizm* [Children's poetry of the Silver age. Modernism]. Minsk: I. Logvinov, 2004. 130 p.
6. ZHibul' V. YU. *Motivno-obraznaya struktura knigi A. Bloka «Skazki. Stihi dlya detej»* [Motive-shaped structure of the book by A. Block "Tale. Poems for children"]. Elektronnyj resurs. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/109993>
7. Oktyabr'skaya O. S. *Puti razvitiya russkoj detskoj literatury HKH veka (1920–2000-e gg.): uchebnoe posobie* [Ways of development of Russian children's literature of the twentieth century (1920-2000-ies): textbook]. Moscow: Maks Progress Publ., 2012. 360 p.
8. Oktyabr'skaya O. S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov: Monografiya* [Formation and development of genre system in Russian children's prose 1920-50-ies: Monograph]. Moscow: MAKS Press Publ., 2016. 248 p.
9. Pavlovich N. A. *Blok i detskaya literatura* [Block and children's literature] *Detskaya literatura* [Children's literature]. 1940. №11–12, pp. 74–78.
10. *Russkie detskie pisateli XX veka: Biobibliograficheskij slovar'* [Russian children's writers of the XX century: biobibliographical dictionary]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 1998. 512 p.